

НЕУРЕГУЛИРОВАННЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Е. М. Поляков

Воронежский государственный университет

Аннотация: Статья Е.М. Полякова посвящена анализу основных неурегулированных аспектов российско-чеченского конфликта в период с 1992 по 2002 годы, а также выявлению последствий данной ситуации в рассматриваемый период и до настоящего времени.

Ключевые слова: российско-чеченский конфликт, урегулирование отношений.

Abstract: The article is dedicated to analysis of the main not settled aspects of Russian-Chechen conflict in the period from 1992 to 2002. The author emphasizes the consequences of such situation within the specified period and at the present time.

Key words: Russian-Chechen conflict, settling the conflict.

В современной науке и публицистике, как отечественной, так и зарубежной, конфликт между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия, длившийся с перерывами с 1992 г. по 2002 г., принято называть российско/русско-чеченским. Таким образом, изначально закладывается представление о нем, как о межэтническом конфликте. Нам же представляется, что он носил характер гражданской войны или межгосударственного силового противоборства (если, вслед за российским руководством первой половины 1990-х гг. рассматривать Ичкерию как государство). То есть в любом случае главным измерением данного конфликта было не межэтническое, а социально-гражданственное. Это тем более очевидно, что как на стороне федеральных сил, так и на стороне дудаевцев–масхадовцев были представители как чеченского, так и русского этноса соответственно.

Общеизвестен факт, что, по меньшей мере, одной из причин (если не единственной) и формальным поводом к началу силовой операции в ЧР послужила деятельность незаконных вооруженных формирований и необходимость в ее пресечении.

Правовой основой для войны стали подписанный 9 декабря 1994 г. Указ № 2166 и в тот же день изданное постановление Правительства РФ № 1360 [1, 85]. Характерен тот факт, что до начала войны (и некоторое время в ходе нее) дудаевские отряды назывались «незаконные бандформирования», а не незаконные вооруженные формирования, и что в предыдущие годы не они, а разгул преступности считались главным злом [1, 29].

Весьма интересен тот факт, что изменение представлений о политической реальности у высшего российского руководства совпало с первыми опытами по несанкционированному изъятию нефти из трубопровода Баку — Новороссийск, проведенными лидерами сепаратистов. В соответствии с изменениями представлений о реальности, изменились и действия: вместо мирного сосуществования началась война.

На наш взгляд, главными итогами обеих военных кампаний на Северном Кавказе (в 1994—1996 гг. и в 1999—2002 гг.) стали следующие:

— ухудшение социально-экономической ситуации, как в Чечне, так и в сопредельных субъектах федерации;

— изменение демографического состава населения;

— складывание клановой структуры власти в Чечне, пришедшей на смену этнократической структуре;

— формирование бандитского подполья и расширение ареала террористической активности за пределы Чеченской Республики;

— изменение геополитической роли Северного Кавказа.

Рассмотрим эти последствия подробнее.

Установление режима личной власти Дж. Дудаевым привело к резкому оттоку социально-экономически активного населения, находившегося в трудоспособном возрасте и занятого, в первую очередь, высококвалифицированным трудом (как физическим — рабочие специальности, так и умственным — интеллигенция, чиновничество, зарождающийся мелкий бизнес).

Поскольку в промышленном производстве, транспорте и научной сфере были заняты, по пре-

имуществу, русские, их отъезд означал неизбежный системный кризис целого ряда отраслей экономики Чечни и постепенную стагнацию всего народного хозяйства республики. Все это происходило на фоне протекания болезненных экономических реформ.

Фактически, еще в советское время «произошло разделение экономики ЧИАССР на два сектора: «русский» и «национальный». В результате <...> в промышленности и на транспорте образовался дефицит рабочей силы, между тем, как в сельском хозяйстве наблюдался все возрастающий избыток ее» [2, 369]. Это привело к массовой миграции — русских из городов, а ингушей и чеченцев — в города. Десятки тысяч людей, не имевших работы на селе, хотя имевших навыки труда в сельском хозяйстве, не получили работы и в городе, ибо навыков индустриального труда и быта тоже не имели. Сложился огромный, состоящий преимущественно из социально мобильной молодежи, слой люмпенов, который стал социальным капиталом, потраченным на строительство ичкерийской государственности и независимости.

Уже к концу 90-х годов уровень жизни во всех северокавказских республиках был ниже среднероссийского. Так, уровень зарплаты колебался от 109 долл. США (Адыгея) до 60 долл. США (Дагестан) при среднероссийском уровне в 179 долл. США [2, 365].

Социально-экономическое положение Чечни осложнялось ещё и тем, что новая постсоветская элита была занята переделом собственности и попытками установить контроль над финансово-ресурсными потоками, проходящими через республику. Ещё Н.А. Косолапов отмечал, что «конфликты на постсоветском пространстве прямо и непосредственно (подчеркнуто мною — Е.П.), связаны с происходящим внутри элиты беспрецедентным переделом власти и собственности по всей «вертикали» и «горизонтали» бывшего советского общества» [3, 45].

В межвоенный период, когда был утрачен контроль центра над пенсионными выплатами и зарплатами, которые фактически разрывались масхадовским окружением, значительная часть населения Чечни была вынуждена заниматься противоправным бизнесом. Процветали изготовление и сбыт наркотиков, алкоголя, оружия (знаменитые, до сих пор использующиеся пистолеты «Борз»), торговля краденым (в первую очередь, автомобилями), похищения людей с целью выкупа. Характерно, что обворовывали и похищали даже самих чеченцев.

Это свидетельствовало не только о кардинальной ломке десятилетиями работавших экономических связей и механизмов, но и о изменении социальной структуры общества. Резко ослабла рольтейпов, веками служивших каналом направления агрессии вовне чеченского общества и механизмом примирения и разрешения конфликтов внутри него. То есть, Чечня была отброшена в социально-экономическом плане не то, что в дооктябрьский, но и в дороссийский период.

После второй кампании основным способом оздоровления экономики стали инвестиции федерального центра. Значительная часть из них разворовывалась. Порядка 30-50 % средств на выплату компенсации за утраченное жилье «пропадало» в виде «откатов» чиновникам [4], а финансирование основных ФЦП происходило после 25 декабря, хотя по закону отчитаться о потраченном надо до 1 января. Можно с большой долей вероятности сказать, что потратить такую сумму денег за пять дней практически невозможно, однако вполне возможно украсть.

Такая система отношений Москвы и Грозного стала меняться лишь во второй половине 2000-х гг., когда основные расходы на восстановление республики стал нести Региональный общественный фонд им. А.-Х. Кадырова. Очевидно, федеральный центр пошел на передачу контроля над финансовыми потоками Р.А. Кадырову ввиду невозможности иным способом обеспечить целевое использование средств.

Это свидетельствует о двух обстоятельствах: а) слабости контрольно-ревизионных федеральных структур исполнительной власти в Чечне; б) существенном изменении структуры элиты чеченского общества. Утрируя, можно сказать, что если при Дж. Дудаеве и А. Масхадове финансово-политической элитой были полевые командиры, грабившие Россию и свой народ и обогащавшие своих сторонников именем Аллаха, то при А. Алханове и Р. Кадырове теперь это чиновники, грабящие Россию и своих сторонников и обогащающие свой народ именем В. Путина.

Это важнейшее обстоятельство в стратегической перспективе сведет на нет могущество и политический вес перешедших на сторону федералов бывших полевых командиров, нынешних полковников и депутатов: С.-М. Какиева, С. Ямадаева, М. Хамбиева и др. С другой стороны, раздача денег от своего имени (помощь средствами Регионального Общественного Фонда им. А.-Х. Кадырова) типична для структуры трат со стороны лидера в адрес конституэнтов в традиционном обществе.

Ещё одно важное следствие — элита, источником благосостояния и власти которой являются чин и деньги, а не вооруженные сторонники, не станет рассадником сепаратизма и не поднимет мятеж. Ведь в случае мятежа она потеряет элитарный статус, как это произошло с партийной элитой в начале 1990-х гг.

Таким образом, «чеченизация» конфликта (то есть передача основных рычагов регулирования всех текущих процессов в Чечне в руки поствоенной чеченской элиты) является сейчас, к сожалению, единственным фактором, способным удерживать ЧР в составе РФ.

Все это позволяет говорить о том, что нынешний, кадыровско — алхановский режим не может справиться с теми же проблемами, с которыми не справился в середине 1990-х гг. дудаевско — масхадовский режим. Значит, в их структурах есть нечто общее, препятствующее построению мирной жизни в полном объеме и наведению порядка в республике. Поскольку функционирование современной системы права никак не подразумевает наличие такого её элемента, как институты родового общества, — они взаимоисключают друг друга, — постольку можно утверждать, что элемент традиционного общества, использовавшийся в обоих политических режимах, был основным и сложноразрешимым противоречием. Такой элемент — тайповая структура чеченского общества, сознательно реанимированная в свое время Дж. Дудаевым [5, 57] и сознательно использовавшаяся временной администрацией во главе с А.-Х.Кадыровым.

Уже сам факт того, что для выстраивания режима фактической диктатуры сепаратист Дж. Дудаев пользовался тем же инструментом, что и позднее для построения демократии Герой России Р. Кадыров, заставляет задуматься о многом. При этом новый, официально промосковский политический режим в Чечне «болен» теми же недостатками, что и старый, сепаратистский. Это и широко распространенная практика нецелевого использования бюджетных средств [6], и не менее частое кумовство (непотизм) при замещении государственных должностей, и колоссальные (особенно в пересчете на душу населения), но мало эффективные финансовые вливания из Центра [7], и самое главное, — нелегитимное насилие.

За прошедшие годы изменились эвфемизмы, которыми чиновники и государственные СМИ обозначали структуры, осуществляющие нелегитимное насилие: «незаконные бандформирования» (первая война) — «незаконные вооруженные фор-

мирования» (вторая война) — «неустановленные силовые структуры» (послевоенное время). Данное изменение официального политического лексикона свидетельствует о том, что после того, как «начался мирный процесс», положение с правопорядком как минимум не улучшилось по сравнению с дудаевско — масхадовским периодом.

При этом есть ряд свидетельств того, что нелегитимное насилие осуществляется представителями спецслужб и органов государственной власти. Определенно, это приводит к снижению легитимности российского государства и его сторонников [8, 2], что, в свою очередь, отдалает перспективу реального урегулирования ситуации в ЧР.

Нелегитимное насилие в Чечне осуществляется в двух формах: со стороны боевиков и прочих неофициальных структур и со стороны государства.

Первая форма — со стороны незаконных вооруженных формирований — проявилась ещё в начале 1990-х гг., когда под воздействием угроз и прямого насилия в отношении русскоязычных шел передел собственности и должностей (подробнее см. 5). Впрочем, русские в регионах Северного Кавказа, где были общины чеченцев, в долгу не оставались. Как отмечал С. Арутюнов, «пожалуй, самый тяжкий удар нормальным взаимоотношениям был нанесен появлением казачьих <...> формирований, которые уже в 1991-1992 годах выставляли пикеты, избивали людей по их национальному признаку <...> что не встречало противодействия со стороны правоохранительных органов» [цит. по: 2, 371]. Случаи взаимного преследования все возрастали, и характер его все ужесточался. Государственные органы власти не препятствовали этому не только в Чечне, но и на территории сопредельных субъектов федерации.

Есть основания предполагать, что «...конфронтация между горскими народами и казаками возросла после того, как Президент РФ подписал ряд указов о реабилитации казаков в качестве военного сословия» [2, 372]. То есть был легализован самый важный на Кавказе фактор конфликтности — земельный, пересекшийся с этноконфессиональным.

Свою деструктивную роль сыграли СМИ. По данным проведенного в конце сентября — начале октября 1999 г. опроса 83% россиян были уверены, что теракты в Москве, Волгодонске и Буйнакске устроили чеченцы, хотя в реальности — арабы и дагестанцы [2, 374].

К сожалению, основным объектом нелегитимного насилия со стороны государства были мирные

граждане, погибшие в ходе обеих военных кампаний. Удельный вес мирного населения в числе погибших составил 95-97 %, погибло около 40 тыс. мирных жителей, в том числе 5 тыс. детей. За декабрь 1994 — май 1995 из Чечни выехало 400 тыс. жителей, в основном, в Ингушетию и Дагестан [2, 377]. Столь серьезные изменения в структуре населения вызвали рост социальной неустойчивости не только в Чечне, но и в сопредельных регионах. Это, в свою очередь, породило ускоренный рост внеправовых форм регуляции общественной жизни. На это указывали ряд федеральных чиновников. Например, Д.Н. Козак заявил: «Регион захлестывает преступность в самых острых формах ее проявления» [9, 4].

Вторым важным следствием российско-чеченского конфликта стало резкое изменение социально-демографической ситуации в регионе, выразившееся, главным образом, в массовом сокращении численности русскоязычного населения, проживающего в республике, как в пропорциональном, так и в процентном отношении. «В 1989 г. в Чечне жило 1084 тыс. чел., из них русских — 269,1 тыс. чел., в том числе 210,3 тыс. чел. в Грозном» [2, 373]. К 2002 году сложилась иная картина. Население ЧР составило 1103 тыс. чел., из них чеченцев — 1031 тыс. чел. и около 40 тыс. чел. русских [10, 159—160]. Следует отметить, что ещё в советское время началась миграция из региона, как чеченцев, так и русских: за межпереписной период (с 1979 г. по 1989 г.) численность русских в ЧИАССР сократилась с 336 тыс. чел. до 293 тыс. чел., или на 12,6% [2, 370]. В то же время, за последние 13 лет территорию бывшей ЧИАССР покинуло около 240 тыс. русских. Если ранее скорость сокращения численности русских была около 1,3 % в год, то в 1990-е — 2000-е гг. она резко увеличилась, составив около 7 % в год. Основную роль в этом увеличении сыграли последствия наведения «конституционного порядка» и проведения «контртеррористической операции» в ЧР.

Международно признанные стандарты по урегулированию конфликтов предполагают в качестве доказательства урегулирования не слова главы государства о том, что «начался мирный процесс», а возвращение к доконфликтному состоянию региона по всем возможным характеристикам, в том числе и по структуре и составу населения. И хотя Правительство ЧР предпринимает некоторые усилия по возвращению русскоязычного населения на родину, пока результаты этих усилий весьма скромны. Значит, нет возможности утверждать о том, что конфликт исчерпан.

Кроме того, нынешнее руководство ЧР выдвигает время от времени территориальные претензии соседним республикам (оспариваются Малгобекский район Ингушетии и Новолакский район Дагестана), а также поощряет поиск научного обоснования территориальных претензий, опираясь на историко-правовые исследования, чья цель легитимировать данные претензии [11, 2]. Эта практика также не способствует упрочению российской государственности и наведению порядка. Более того, «альтернативная история — типичное явление, связанное либо с колониализмом, либо с социальными отношениями, основанными на групповой дискриминации» [11, 279], в данном случае — дискриминации не-чеченцев.

Если вернуться к собственно этносоциальной проблематике, то нынешняя ситуация отличается не только в плане количества, но и качества населения. Если ранее основная масса русскоязычных в ЧР, как и в целом по СССР, находилась в трудоспособном возрасте, то теперь это, в основном, лица пенсионного и предпенсионного возраста, а также солдаты, не способные внести сколь-нибудь заметный вклад в восстановление республики, в ее социально-экономическое и культурно-научное развитие, в ее мирную жизнь. Фактически благодаря характеру политических действий государства, в ЧР складывается монолитное в этноконфессиональном измерении общество, чего не наблюдается как в целом по РФ, так и в других ее субъектах.

С учетом таких факторов, как чрезмерное сосредоточение реальной власти в руках Р.А. Кадырова, большое число бывших боевиков, служащих в органах государственной власти и спецслужбах ЧР, авторитарный характер действующего политического режима, вышеозначенная монолитность может лишь укреплять, но ни как не ослаблять сепаратистские настроения.

Наличие авторитарно-силовых тенденций в протекании чеченского политического процесса [12, 6—7], попытки Р.А. Кадырова в ряде случаев руководствоваться шариатом и деятельность не установленных силовых структур заставляют усомниться в наличии ЧР в конституционно-правовом поле РФ, ибо являются не единичными исключениями, но повседневной практикой, системной чертой.

Еще одним важным итогом стало формирование в большинстве республик сети бандитского подполья и изменения самой сути действий террористов. В течение 2006—2007 гг. изменились как объекты терактов, так и цели, преследуемые тер-

рористами. Жертвами чаще становятся представители силовых структур государства, как правило, федеральных, вне зависимости от региона, в котором осуществлено нападение (см. табл. №1. Период отслеживания: сентябрь 2006-август 2007 включительно. Он был разбит условно на 2 части: с сентября 2006 по февраль 2007 и с марта 2007 по август 2007. Данные для таблицы взяты из опубликованных материалов сайта «Кавказский узел» <http://kavkaz.memo.ru/newstext/chronics/id/790621.html> и <http://kavkaz.memo.ru/newstext/chronics/id/1196026.html>). Как правило, это хорошо спланированные акции и вылазки. Иногда совершаются несколько нападений в течение одних суток в разных республиках. Это подтверждает тот факт, что возникла целая сеть автономных, но координирующих свою деятельность джамаатов.

Как видно из последнего столбца таблицы, представленной в статье, во втором периоде резко возрастает количество терактов, совершаемых против представителей силовых структур государства и, особенно сильно, против «федералов». Также увеличивается число терактов, направленных против автохтонного населения. Практически не меняется картина с русскоязычным населением.

Это свидетельствует об изменении стратегии лидеров вооруженного сопротивления и целей самого сопротивления, как они видятся боевикам. Уничтожаться стали, в основном, федералы и гражданское население (в последнее время, в том числе, русскоязычное). Задача тактическая — дать понять местным жителям, что боевики сражаются «за свободу» Кавказа против «неверных и их пособников», которые не в состоянии не только обеспечить безопасность тех, кому они служат (то есть гражданского населения), но и самих себя (то есть сотрудников федеральных силовых подразделений).

Задача стратегическая — вызвать, в том числе и посредством провокаций, массовое, желательно

вооруженное, выступление местных жителей против представителей официальной власти (как светской, так и духовной), по образцу «нальчикского мятежа» 2005 года. Цель же — привести к эскалации напряженности в РИ и, по возможности, на всем Северном Кавказе с тем, чтобы делегитимировать руководство республик и федерации.

Разумеется, их возникновение вызвано в значительной степени социально-экономическими факторами. «Современная социально-политическая ситуация способствует распространению радикального исламизма. Массовая безработица, а вместе, а вместе с тем «легкая» возможность «заработка» в бандгруппах способствует притоку в них местных жителей <...> Религиозность жителей горных сел в совокупности с продолжающимся ростом радикальных настроений, а также экономическая отсталость этих районов делают местное население потенциально наиболее легко вербуемым даже при минимальной финансовой заинтересованности» [13, 525]. Государство предприняло ряд мер по оздоровлению ситуации: постепенно растет число рабочих мест, сокращается дотационность республик, развивается сеть образовательных учреждений.

Однако если это и сказалось на активности антигосударственного подполья, то весьма странным опытом: за последние годы масштабные теракты по-прежнему совершаются (Беслан, Нальчик, Назрань, Махачкала, Грозный), деятельность «неустановленных силовых структур» до сих пор не пресечена, а число пострадавших, похищенных и пропавших без вести соизмеримо с потерями в ходе второй Чеченской войны (1999—2002). То есть предпринятые государством действия не только не принесли мир и правопорядок, но и, как минимум, послужили катализатором для расширения террористической подпольной сети. Это означает, что реализованные властью шаги можно назвать неа-

Таблица 1

Итоги изменений последствий терактов в республиках Северного Кавказа зависимости от периода (2006—2007 гг.)

	Республика/объект	Ингушетия	Кабардино-Балкария	Дагестан	всего
1 период	Силовики-федералы	10	1	3	14
	Силовики-местные	24	7	16	47
	автохтоны	13	2	8	23
	русскоязычные	4	0	4	8
	Силовики-федералы	23	6	10	39
2 период	Силовики-местные	14	7	32	53
	автохтоны	24	6	10	40
	русскоязычные	4	0	0	4

декватными поставленной цели. Однако, это предмет отдельного обсуждения. Нас же интересует другое, а именно: что привело к вышеозначенному расширению ареала и активности боевиков? В течение 4 лет (с 2002 по 2006 годы) можно четко проследить смещение очага терроризма с Востока на Запад Северного Кавказа:

А) В 2002—2003 годах гремели взрывы в Махачкале, совершались обстрелы милицеских постов и автомобилей, регулярно устраивались покушения на мэра С. Амирова и главу МВД А. Магомедтагирова;

Б) В 2003—2004 годах активизируется деятельность «неустановленных силовых структур» в ЧР, погибает её президент А. Кадыров, а 22 июня 2004 года боевики фактически захватывают на несколько часов крупнейший город Республики Ингушетия—Назрань;

В) В 2004 — 2005 годах совершаются теракты в г. Беслан (Северная Осетия), многочисленные похищения людей в Ингушетии и Чечне, обнажается конфликт между радикальными мусульманами и милицией в Кабардино-Балкарии;

Г) В 2005—2006 годах происходят попытка захвата г. Нальчика, многочисленные теракты в городах Дагестана, Кабардино-Балкарии с участниками небольших групп боевиков (по 2—3 человека), резко накаляется обстановка в Адыгее [14, 32—35]. При этом смещение активности боевиков не привело к снижению напряженности на Западе Северного Кавказа, то есть можно говорить не о «миграции», а об «экспансии» экстремистов, что убедительно свидетельствует о слабости государства.

«Подполье, опирающееся на джамааты, действует уже и на северно-западном Кавказе (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, некоторые районы Ставропольского края), управляемый шурой алимов» [13, 526].

Помимо вышеописанного, прослеживается ещё один, не «количественный», а «качественный» тренд. Он состоит в изменении поля деятельности боевиков. Если раньше это были горы и леса, то теперь это плоскость и города. Основными местами совершения терактов являются крупные населенные пункты с хорошо развитой инфраструктурой, а главным объектом не военные, а милиционеры и мирные жители. Это свидетельствует о двух важных изменениях в понимании боевиками реальности. Во-первых, теперь агрессия направлена против конкретных лиц — физических или должностных (то есть агрессия стала адресной). Во-вторых, боевики теперь используют

в своих целях инфраструктуру цивилизации и её слабости в своих целях, передвигаясь по городам малыми группами.

Таким образом, мы имеем два географически проявленных тренда: с Востока на Запад и с Юга на Север. Эти тенденции геополитически обусловлены. Горные районы гуще населены из-за аграрного перенаселения и население их сплоченнее из-за большой стойкости институтов традиционного общества ханафитского ислама суфийского толка. Горожане активнее включены в общественно-политическую жизнь и международные контакты, значит в большей степени подвержены салафитской (ваххабистской) пропаганде. То есть оба тренда говорят о «перемещении» активного тела экстремизма в насыщенные материальными и людскими ресурсами районы. Это никак не может свидетельствовать о снижении напряженности ситуации в регионе, зато позволяет предполагать большую живучесть и востребованность тех социально-политических потребностей и ожиданий, которые находят своё выражение в религиозно — политическом экстремизме и терроризме. Ваххабиты фактически дают понятные и востребованные ответы на вопросы современности на Северном Кавказе, а именно: почему государство поражено коррупцией, почему происходят преследования мусульман? Этот ответ: «нами правят неверные; мы не живем по Корану и шариату». Он объясняет конфликтогенность и нестабильность в регионе не лучше, чем секретарь Совета по Общественной и экономической безопасности Ставропольского края А. Бельченко, заявивший, что «сегодня из-за границы идёт эта нездоровая волна. Западные агенты пытаются расшатать ситуацию на Юге России — «ахиллесовой пяте» страны. Россия хочет мира на Кавказе и не дает деньги на войну. В этой войне заинтересованы силы извне» [15, 24]. Но ответ про «неверных» понятнее местному населению, чем ответ про «западных агентов». Государство проиграло информационную войну ваххабитам и проигрывает войну за ресурсы.

Очевиден вывод — «ваххабистские структуры являются силой, оппозиционной государственным и общественным институтам современной России» [13, 528]. С ваххабизмом необходимо бороться. Но дело в том, что это зло является лишь одной из граней той проблемы, с которой столкнулась Россия на Северном Кавказе.

Три другие грани — сепаратизм, экстремизм, терроризм. Борьба с этим «четырёхмерным злом» может быть успешной лишь при комплексном под-

ходе, так как сейчас разделить радикально настроенных мусульман и бандитское подполье практически невозможно. «И те, и другие являются автономными, но неотъемлемыми частями сложной системы, которая обладает способностью быстро перестраиваться в зависимости от негативного или благоприятного воздействия извне» [13, 529].

Следует отметить и тот факт, что Северный Кавказ изменил свое геополитическое положение. Из внутреннего региона он стал приграничным, из разделительной полосы «перешел в разряд» транзитного, «пропускного» региона. Кроме того, «большая нефть, ставшая большой политикой, резко увеличила ставки в игре вокруг Кавказа, создавая реальную угрозу геополитической маргинализации региона, зависимо от нового тоталитаризма транснациональных корпораций» [16, 34].

Наконец, последний итог — утверждение клановой структуры общества — напрямую связан с первыми двумя и, в определенной степени, является их производной. Монолитное в этноконфессиональном плане общество наиболее приспособлено к этнократической структуре власти. Однако в Чечне сложилась клановая структура. Простой чеченец сейчас, так же как и в советские годы, практически не имеет шансов на карьерный рост (особенно в системе органов государственной власти), если он не принадлежит к одному из властвующих кланов (кадыровых, какиевых, ямадаевых, алхановых). При Дудаеве ситуация была иной. Человек мог подняться до вершин, стать бригадным генералом, министром, президентом, начав путь с нуля (яркий пример — Ш.Басаев). Это был этнократический режим, благоприятный для чеченцев, но не нужный другим. Дудаев опирался на институты традиционного общества (тайпы, вирды, тарикаты, старейшин). А традиционное общество и национализм ни в каком виде неприемлемы друг для друга: «Современный человек уже не подчиняется главе родственной группы, вере или своему господину; он является в первую очередь подданным своей культуры» [17, 14]. Поэтому режим Дудаева потерпел крах: еще до начала военных действий он потерял контроль над некоторыми горными районами.

Кадыровы же и их союзники отказались от этнических механизмов контроля. Именно при них противоборство в Чечне из межтайпового стало внутритайповым, когда на стороне боевиков и чеченской администрации были представители одних и тех же тайпов. Это значительно облегчило борьбу с экстремистами, ваххабистами, сепаратистами

и террористами, их добровольную сдачу федералам и реинтеграцию в мирную жизнь. Но это ослабило один из важнейших элементов системы традиционной регуляции взаимоотношений чеченцев между собой, не создав взамен иного.

Таким образом, кадыровцы и федералы не могли, как в первую чеченскую войну, опираться на тайпы и вирды, а стали опираться на кланы и муфтият — новый, нетрадиционный для Чечни способ организации верующих и управления ими.

Клан, в отличие от тайпа, основан не на кровнородственных или территориальных узах, а на личной преданности лидеру (вот почему боевики активно «сдавались под Рамзана»). Из этого следует, что клановая система практически безальтернативна: если сменить лидера сверху, он не будет пользоваться поддержкой на местах (как это было с президентом А.Д.Алхановым), а любой новый лидер приведет свой клан на смену старому.

Эта безальтернативность и фактическая несменяемость (во всяком случае — неизменность курса и той схемы, по которой создан властвующий клан и осуществляется политика) с неизбежностью приведут к ослаблению контроля из Центра. Верховная власть еще в силах обеспечить, чтобы клановый политический режим не выходил за определенные, как правило, достаточно широкие и прочные рамки, но уже не в силах контролировать действия клановых лидеров внутри этих рамок.

Следовательно, если такие политические режимы не являются правовыми (а демократическими они и не могут быть ввиду своей авторитарности), то это происходит в первую очередь потому, что верховная власть не применила правовой характер политики в качестве одного из сдерживающих факторов.

В принципе, клановая структура власти может быть весьма эффективной в решении нескольких типов задач: модернизация, восстановление хозяйства, борьба с социальными изъянами (пьянство, бродяжничество и т.п.). Весьма вероятно, что федеральные власти именно и даже исключительно по этой причине потворствовали складыванию кланового политического режима в Чечне (хотя это не объясняет такого же подхода к другим северокавказским республикам).

Однако после налаживания мирной жизни и окончательного урегулирования конфликтной ситуации в Чечне необходимость в поддержке клановой системы отпадет. Это приведет к альтернативе: Центр сместит Р. Кадырова и его соратников или же региональные власти будут и дальше саботиро-

вать урегулирование конфликта в надежде сохранить у Центра потребность в них. Первый вариант чреват очередным витком системной нестабильности, как в Чеченской республике, так и во всем Южном федеральном округе. Второй — сохранением существующего положения, чреватого делегитимацией органов государственной власти (по крайней мере, федеральных) и дальнейшей эскалацией экстремизма и терроризма на Северном Кавказе, что мы наблюдаем и сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чеченская трагедия. Кто виноват? М.: РИА «Новости». — 1995. — 126 с.
2. *Ибрагимов М.М.* Об особенностях кризиса в Чеченской Республике в 1990-е годы / М.М.Ибрагимов // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. М. 19—20 апреля 2005 года [отв. ред. Х.И. Ибрагимов; В.А.Тишков]; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая; Комплексный НИИ РАН, г. Грозный — М.: Наука, 2006. — 575с.
3. Косолапов Н.А. Конфликты постсоветского пространства и современная конфликтология / Н.А.Косолапов//МЭиМО.-1995.-№11.— С.36-48.
4. Сергеев Д. Рамзан Кадыров: «Нам нужна собственная промышленность» / Д. Сергеев // Страна.Ru. <http://www.chechnya.gov.ru/press/interview/3536.html>
5. Вторжение в Россию (авт.-сост. С. Прыганов) — М.: Экспрент, 2003. — 141с.
6. REN-TV, «24», эфир от 15.11.2006 в 12.30.
7. РБК-ТВ, Новости, эфир от 25.07.2006 в 23.30.
8. *Латынина Ю.* Комментарий / Ю. Латынина // Чеченское Общество. — 2006. — 9 октября 2006.
9. *Кузьмин В.* Козак проверил Кавказ/В.Кузьмин// Российская газета.— 2004.— 25 сентября. — 10 с.
10. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года.— М.: ИИЦ «Статистика России», 2005, т. 4, кн. 1, 762 с.
11. *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке, М., НЛО, 2006, 643 с.
12. *Латынина Ю.* Хозяин Чечни / Ю. Латынина // Новая Газета.— 2006.— 25 сентября 2006.— 26 с.
13. *Бережной С.Е.* Основные тенденции ультрарадикального исламизма (ваххабизма) на территории Северного Кавказа // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. М. 19-20 апреля 2005 года [отв. ред. Х.И.Ибрагимов; В.А. Тишков]; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая; Комплексный НИИ РАН, г. Грозный — М.: Наука, 2006. — 575с.
14. *Алленова О.* Щит и мечеть / О. Алленова // Коммерсант Власть.— 2006.— 27 марта.— 48с.
15. *Чесноков А.* Ловушки преемственности курса / А. Чесноков// Политический журнал. — 2007. — № 9/10 (152/153). — 19 марта.— 42 с.
16. *Султанов К.* Новый самообман? О пределах этноцентризма в полиэтничных обществах // Коммерсант Власть. — 1997. — № 7.— 34 с.
17. *Геллнер Э.* Нации и национализм / Э. Геллнер.— М.: Прогресс, 1991. — 128 с.